

Эва Нова

Три наказа
мадам
Радулеску

Эва Нова
Три наказа мадам Радулеску

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68298907

SelfPub; 2022

Аннотация

Этьен вынужден снять дом у мадам Радулеску, о которой по Парижу ходят нехорошие слухи. Очень скоро он узнает, что этот дом хранит страшную тайну.

Эва Нова

Три наказа мадам Радулеску

Мадам Радулеску походила на ведьму из сказки. Она была старая, маленькая и худощавая, ее черные с проседью волосы были собраны в гладкий пучок, а темные глаза рассматривали его с живым интересом. Глядя на ее прямую осанку и царственный поворот головы, Этьен подумал, что мадам Радулеску, видимо, в молодости танцевала в балете. Она приняла его сухо, но с безупречной вежливостью. Узнав же, что молодой человек ищет угол, она смягчилась и, заметив, что начинается дождь, даже предложила Этьену кофе. Он не отказался. Вырванный из привычной, пусть не богатой, но сытой и спокойной жизни в местечке Требабу, что в Бретани, он все никак не мог привыкнуть к Парижу. В Сорбонне он учился лишь потому, что таково было желание отца на смертном одре – он мечтал, чтобы его старший сын стал ученым. Однако все прелести студенческой жизни словно проходили мимо него. Он избегал богемных вечеринок, равно как и интеллектуальных дуэлей. Друзей Этьен толком не завел, сердцем и мыслями оставаясь в родном краю. Жил он в дешевом и грязном пансионе, которым заведовала давняя приятельница матери, мадам Арно. Но даже несмотря на то, что

платил он почти на треть меньше, чем остальные постояльцы, он мог едва-едва наскрести нужную сумму, откладывая часть средств, что каждый месяц присылала ему мать, и добавляя свой собственный скудный заработок частного учителя. Так что, когда мадам Арно почилла в бозе, а новые владельцы пансионата не только отказали ему в скидке, но и повысили цену за постой, Этьен был вынужден искать себе другое место. Почти месяц он скитался по городу, иногда проводя одну-две ночи у товарищей-студентов, а иногда и довольствуясь ночлежкой. Наконец ему подсказали адрес мадам Радулеску. Жиль, с которым Этьен ходил на философию, сказал, что у мадам Радулеску несколько домов в Париже, которые она сдает постояльцам. Однако он добавил, что жильё это, по слухам, находится в печальном состоянии, а о мадам идет дурная слава, которая не стала лучше после нескольких странных случаев. Этьен находился в таком отчаянном положении, что не стал вдаваться в подробности и, не теряя ни минуты, отправился по заветному адресу. Так что кофе с молоком и тёплый рыбный пирожок, которые предложила ему мадам Радулеску, стали его первой горячей едой за несколько дней. Она сидела напротив него и пила кофе из чашечки белого фарфора с синим узором. Ее длинные пальцы были унизаны кольцами. Шаль на ее груди разошлась, и Этьен увидел массивное ожерелье – на длинной толстой цепочке висела серебряная спираль раковины, украшенная россыпью мелких цветных камушков.

– У меня остались незанятыми пара мест, – сказала наконец мадам Радулеску. – Только оттуда до Сорбонны вам будет далековато.

– Это неважно, – заверил Этьен. – Мне бы найти крышу над головой, и за приемлемую цену.

– Что ж, это можно, – она поднялась из-за стола и скоро вернулась с двумя ключами. Один ключ был медный тонкий и блестящий, через него была продета черная атласная лента. Второй ключ был покороче, но украшен затейливым орнаментом, просматривавшимся сквозь ржавчину.

– Какой вы выбираете? – спросила мадам, пристально глядя на Этьена.

– Этот, – Этьен взял короткий ключ.

– Что ж, – сказала она, – выбор сделан. Пойдемте, я провожу вас в ваше новое обиталище.

Дождь на улице и не думал заканчиваться, так что они остановили извозчика и отправились по адресу в экипаже. К удивлению Этьена, «новое обиталище» оказалось не комнатой и даже не квартирой, а целым домом. Правда, дом выглядел заброшенным. Он стоял у самой воды, там, где Марна впадает в Сену. Внутри было тихо, сыро и пахло плесенью. Однако это не смутило Этьена, он лишь боялся, как бы цена не оказалась слишком высокой. Мадам Радулеску показала ему дом. Маленькая прихожая вела в узкий коридор, по обе стороны которого располагались комнаты – большая и малая

гостиные. Коридор упирался в кухню, в стене которой была еще одна дверь наружу, закрывавшаяся изнутри на защелку. Мадам распахнула дверь, и они оказались на ступеньках, которые спускались напрямиком в реку. Три ступеньки были сухие, четвертую покрывала вода, а шестую было уже и не разглядеть в глубине. Слева от двери висел фонарь в виде рыбьей головы.

– Весной и осенью дом иногда заливает, – сказала она, – но не каждый год. И не переживайте, вода никогда не поднимается выше печной дверцы.

Этьен посмотрел на черную, закопченную печь и кивнул.

– Пойдемте на второй этаж, – распорядилась мадам.

Под наклонной крышей находилась спальня, освещенная лишь светом из круглого чердачного окошка. Наклонный потолок был низкий, и Этьен мог выпрямиться во весь рост, только стоя под самым коньком крыши.

В доме было промозгло и темно, однако он был гораздо больше, чем ожидал Этьен. А уют – что ж, он был непривередлив. Он заранее предупредил мадам, что не сможет платить много, но сейчас терялся в догадках, какую же цену она назовет. Мадам шла впереди, освещая путь стеариновой свечой. Она спустилась на первый этаж и отошла к окну, Этьен опустил ногу со ступеньки и вскрикнул от неожиданности – он встал на что-то плотное и мягкое. Свет свечи выхватил два круглых на выкате глаза и розовую пасть.

– Ах, ты еще здесь! – воскликнула с неудовольствием ма-

дам. – Это старый мопс, он никогда не был моим, но почему-то всегда ошивается поблизости. Я не знаю, чей он. Видимо, его подкармливает кто-то из соседей. Гоните его безо всяких угрызений совести. Как вам дом? – И затем мадам назвала сумму, которая была даже немногим меньше, чем та, что Этьен платил в пансионе. Он возликовал, он готов был сплясать, обнять мопса, да что там, сама мадам Радулеску казалась ему теперь не ведьмой, а доброй феей. От радости Этьен прослушал то, что говорила ему мадам:

– Поняли? Ночью обязательно закрывайте заднюю дверь на щеколду, запирайте все окна, что выходят на реку, и не забывайте зажигать фонарь.

Сказано это было таким строгим тоном, что Этьен не посмел переспросить, зачем это нужно. Может быть, мадам Радулеску все объяснила, пока он позволил себе порадоваться выгодной сделке? Как бы там ни было, он отдал ей аванс и пешком отправился к одному из друзей, у которого оставил на время свои вещи.

Дом был старый и холодный, в спальне Этьен то и дело бился головой о потолок, однако с переездом в его жизни словно настала светлая полоса. Он нашел несколько новых учеников и начал откладывать деньги, семестр шел гладко, и по некоторым предметам он выбился в число лучших студентов. Неподалеку от своего нового дома Этьен нашел недорогую лавочку и теперь частенько заходил туда, чтобы ку-

пить поесть или восполнить запасы масла. Постепенно и в доме стало уютнее. Печь горела и дарила тепло, на кровати появилось вязаное одеяло, а пол украсили половики. Кроме того, в одной из гостиных нашлась аргандова лампа, и теперь вечерами Этьен читал в ее ярком свете, порой засиживаясь за полночь. Однако он не забывал о трех наказах мадам Радудеску. Из-за переезда в первую ночь он едва не забыл зажечь фонарь, и ему пришлось делать это в кромешной тьме лишь при свете стеариновой свечи. Зато на следующий день он отправился на заднее крыльцо пораньше, пока не погасли лучи заходящего солнца. Этьен залюбовался вечерней рекой. Справа от него бежала Марна, слева – катила свои воды Сена, и вместе они сливались в одну широкую зеленоватую ленту, в которой отражалось потухающее небо и фиолетовые облака. Вдруг он заметил что-то темное в воде – словно на глубине проплыло крупное животное. Он не успел приглядеться, и, если бы мальки не принялись играть на поверхности воды, словно спасаясь от хищника, Этьен подумал бы, что ему показалось.

Буквально через несколько дней после переезда Этьен снова наткнулся в доме на мопса. Он так и не понял, как пес пробирается внутрь. Это была черная и очень старая собака с практически полностью поседевшей мордой и выпуклыми внимательными глазами. Этьен любил собак и с готовностью отдал нежданному гостю куриную косточку с кусочками мяса на ней. Мопс снисходительно посмотрел на него и широ-

ко зевнул, обнажая желтые, полустершиеся от старости зубы. С тех пор Этьен стал покупать у лавочника немного мягких потрохов для собаки, и мопс стал навещать его по несколько раз за неделю.

Тем временем осень все больше вступала в свои права. С реки дул пронизывающий ветер, срывая с деревьев желтые и багряные листья. Уровень воды поднялся, теперь и третья ступенька скрылась под волнами. Поутру окна кухни почему-то постоянно оказывались залиты, словно ночью бушевал шторм, хотя стекла в обеих гостиных были сухими. Мопс все чаще оставался ночевать в доме, Этьен соорудил ему из половинок что-то вроде подстилки и стал звать его Пирожком. А Пирожок сопровождал его, когда Этьен шел прогуляться по набережной или за покупками к лавочнику.

– Вы его приучили к себе, – заметил как-то лавочник, поглядывая из-за прилавка на собаку. – Теперь от него не отделаешься.

– Зачем мне от него отделяться, месье? – возразил Этьен. – Пес хороший, дома ничего не портит. Что, Пирожок, возьмем тебе потрохов? А мне пирог с мясом, так и быть, поделюсь с тобой.

Лавочник только усмехнулся и покачал головой. В магазинчике больше никого не было, а он явно хотел скрасить унылый вечер беседой.

– Так вы снимаете угол у старухи Дюбуа?

– Нет-нет, я остановился в доме у самой воды...

– Что, неужто у этой румынки? – Лавочник даже в лице переменялся.

– Да, месье, меня очень устроила цена...

– То-то и оно, – нахмурился он. – Нехорошие дела творятся в этом доме. Я знал постояльца, который жил там до вас. Месье Пулен, художник, примерно вашего возраста. Мы с ним однажды разговорились, он захотел сделать набросок моей лавки, я согласился. Слово за слово, оказалось, что он из Оверни, как моя Софи. Ну, земляков принято привечать, и мы пригласили месье Пулена в гости. Он оказался очень приятным человеком, ученым, при этом не кичился, что умнее нас с женой. Я, знаете ли, тоже выучен грамоте и стараюсь научить детей, так он еще несколько раз заходил к нам, приносил детям книжки с картинками. Однажды он засиделся у нас допоздна, а когда ушел, то оказалось, что он оставил в прихожей свой шарф. Я решил занести его ему следующим утром. Однако, когда я подошел к дому, то увидел перед крыльцом экипаж, а в экипаж грузили вещи месье Пулена – я видел, как тащили картины, холсты и мольберт. Только вот самого месье Пулена там не было – всем руководила мадам... мадам...

– Радулеску, – подсказал Этьен. Лавочник мрачно кивнул.

– А потом стали говорить, что месье Пулен внезапно собрался и уехал. Никто не стал разбираться, куда он делся, собрал вещи – и поминай, как звали. Но я-то знаю, кто его

вещи прибрал. Вы мне очень симпатичны, так что, прошу вас, будьте осторожнее.

Рассказ лавочника выбил Этьена из колеи, он вернулся домой в мрачном расположении духа. Когда он зажигал фонарь в виде рыбьей головы, его охватил внезапный страх, и он старался не поворачиваться спиной к воде. Он несколько раз проверил щеколду и замки на окнах, но это его не успокоило. Наконец он не выдержал, поднял Пирожка на руки и унес в спальню – спать в одиночестве ему было неудобно. Пирожок долго устраивался и крутился на новом месте, но наконец улегся, зевнул и захрапел. Собачий храп подействовал на Этьена успокаивающе, он почувствовал, как тяжелеют веки и заснул, и сны ему снились легкие и спокойные, разве что под утро ему привиделась палитра, которая плыла по поверхности Сены, но ветер усилился, вода начала размывать краски, палитра несколько раз окунулась под воду – и наконец пошла на дно.

Одна дождливая неделя сменяла другую. Парижане бегали по лужам, мокли под зонтиками и говорили, что не припомнят такой сырой осени. Даже Этьен, отличавшийся отменным здоровьем, почувствовал, что начал простужаться. Однако он продолжал каждое утро выходить к реке, чтобы вдохнуть свежесть утра и полюбоваться еще спящей Марной, лениво вливавшей свои воды в Сену. В одно такое утро,

когда тучи внезапно разошлись, и нежный солнечный свет смог наконец-то снова прикоснуться к зеленым волнам легким поцелуем, Этьен заметил следы на ступеньке. Сначала он подумал, что ее залило ночью, а с рассветом вода отступила. Но нет, ступенька была сухой по краям, и только в центре выделялись влажные следы, словно кто-то топтался ночью перед дверью. Этьен оглянулся, пытаясь прикинуть, кто и как мог попасть сюда, однако иначе как по воде к крыльцу было не подобраться. Лодки обычно проходили мимо, да и зачем кому-то подгребать к дому, рискуя завязнуть в тине или сломать весло. Этьен взгляделся в следы – они казались значительно больше, чем его ступни. Обувь незнакомца, видимо, была широкой и остроносой – если, конечно, это не были отпечатки лап... Но что за животное могло их оставить? Этьен вспомнил о пропавшем месье Пулене, и холодок пробежал по его спине. Но он покачал головой, отгоняя страхи, и поспешил в университет. Вернулся он поздно – частные уроки заняли больше времени, чем он рассчитывал, а обманчиво ясный день завершился настоящим ураганом, так что Этьен долго не мог найти извозчика, который согласился бы отвезти его. Дома он, дрожа от холода, скинул промокшее пальто и поспешил затопить печь, чтобы согреться. Вскоре огонь весело затрещал за заслонкой, и Этьен согрел свой скудный ужин. Он уже садился за стол, когда вспомнил, что не зажег фонарь. Ему ужасно не хотелось открывать заднюю дверь и впускать на кухню холод. Да и какой смысл, ес-

ли огонь будет гореть лишь несколько минут – такой сильный ветер все равно его погасит... Этьен вздрогнул, когда услышал, что в прихожей что-то упало. Он взял со стола аргандову лампу и отправился туда, но с облегчением рассмеялся, когда яркий свет выхватил промокшее и дрожащее от холода существо.

– Пирожок, хорошо, что ты зашел сегодня. Теперь ночь не кажется такой невыносимой.

Он забрал собаку и устроил у печки.

– Прости, дружище, сегодня я не был у лавочника. – Он выбрал из остатков рагу кусочки мяса и – не без сожалений – отдал голодному псу, который печально смотрел на него своими круглыми глазами.

Согревшись и отдохнув, Этьен заснул прямо за столом. Проснулся он среди ночи и не сразу понял, от чего. Дождь все еще хлестал за окном. Этьен заморгал и потянулся, когда услышал странный влажный звук, какой слышал иногда в порту в родной Бретани – с таким шумом рыбаки вываливали свой улов из сети на землю. Звук шел из-за задней двери. К счастью, лампа еще горела, хотя масла оставалось на доннышке, и в ее свете Этьен увидел, что дверь ходит ходуном, а слабая щеколда вот-вот сорвется. Он подошел поближе, не понимая, что же за сила рвется к нему в дом, когда дверь вдруг с шумом распахнулась, и его сбил с ног поток ледяной воды. Лампа погасла, однако Этьен успел заметить, что вместе с потоком в его жилище проникло нечто – странное су-

щество, напоминающее не то человека, не то огромную рыбу, гораздо выше и крупнее его самого. Он видел его лишь секунду, пока не наступила тьма, но этого хватило, чтобы Этьен поднялся на ноги и бросился прочь с кухни. Вода продолжала прибывать, он слышал, как она шипела, заливаясь в печь. Он выскочил в прихожую, но поток хлынул за ним. От холода у Этьена свело икру, он упал на четвереньки и пополз. Внезапно он почувствовал, что его крепко схватили за лодыжку и потянули назад.

– Нет, – крикнул он, отчаянно сопротивляясь. Он ухватился руками за ножку мраморного столика, но чудовище тянуло с такой силой, что столик поехал по полу. Вода залила лицо, попала за шиворот, и, хотя он продолжал сражаться, Этьен чувствовал, что схватка неравна и силы покидают его.

И тут он услышал лай. Этьен совершенно забыл про собаку. Пирожок вышел из малой гостиной и внимательно посмотрел на Этьена. Только теперь это был немного другой Пирожок – он увеличился в размерах и больше походил на упитанного черного льва. Шерсть на его загривке топорщилась, круглые глаза налились кровью, острые зубы торчали из пасти. Он снова залаял – теперь лай походил на рычание – и пошлепал по воде. Мощный удар лапы – и чудовище отлетело в сторону, отпустив Этьена. Пирожок набросился на него прежде, чем оно успело сориентироваться и вернуться в Сену, вода покраснела от крови, а Пирожок отрывал от него куски и пожирал с утробным урчанием. Этьен все также на

четвереньках выбрался из дому, распластался на земле и потерял сознание.

– Что, переехали-таки к старухе Дюбуа? – спросил лавочник, кивнув Этьену, как старому знакомому.

– Да, я решил прислушаться к вашим словам. Все-таки снимать целый дом за такую цену – подозрительно, где-то должен быть подвох. Да и мадам Радулеску говорят, покинула Париж. Я хотел вернуть ей ключ, но пришлось оставить его у ее служанки. Правда, теперь я снимаю весьма маленькую и неудобную комнатку, а мадам Дюбуа берет с меня несколько су сверху за Пирожка, – пожаловался Этьен.

Лавочник посмотрел через прилавок на черного мопса, тяжело дышавшего после долгой ходьбы. Собака ему никогда не нравилась, но не ему судить.

– Как всегда, возьмете ему потрохов?

– Нет, сегодня рыбки. Как оказалось, Пирожок особенно ее любит.